

БОРИСОГЛЕБСКИЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВА

Константин Васильев — один из наиболее заметных поэтов Ярославии конца XX века. Он родился и жил в поселке Борисоглебский нашей области. Образ древней Борисоглебской земли не мог не найти отражение в творчестве Константина Владимировича.

В литературоведении существует понятие *городской текст* — текст, созданный «совокупностью текстов русской литературы», он «обладает всеми теми специфическими особенностями, которые свойственны текстам вообще и — прежде всего — семантической связанностью <...> хотя он писался (и будет писаться) многими авторами» [Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное, 1995]. На данный момент существуют исследования разных «городских текстов».

Мы в своем докладе обратимся к Борисоглебскому тексту как совокупности семантически соотнесенных текстов в творчестве Константина Васильева. Борисоглебский текст К. Васильева составляют 32 стихотворения.

Как известно, «городской текст» формируется благодаря определенному художественному коду: константным образам, устойчивым мотивам, специфическому словарю, особой мифопоэтике, способам изображения пространства и времени.

Так, в «Борисоглебском тексте» Васильева устойчивыми мотивами являются мотив хода времени (С. Н. Ефимова), мотив памяти (С. Н. Ефимова), мотив тоски, мотив одиночества, мотив духовного восхождения, мотив молчания, мотив двойничества.

Константными образами Борисоглебского текста можно признать образы воды (С. Н. Ефимова), дома (С. И. Кормилов), осени, птиц (С. Н. Ефимова), о которых говорили исследователи творчества К. Васильева. Внимательное прочтение стихов поэта позволяет, на наш взгляд, дополнить этот ряд образами неба, куполов, родного гнезда, весны и сирени.

Так же, как и в других «городских текстах» русской литературы, в Борисоглебском тексте К. Васильева есть ключевые слова, которые заявляют о себе не столько частотой употребления, сколько концептуальной значимостью. К таким мы относим слова с признаком 'свет': эта группа слов востребована в тексте Васильева как средство выражения авторского взгляда на мир, ценностного осмысления и утверждения аксиологических констант духовного бытия человека.

В Борисоглебском тексте доминанта света представлена словами *свет, светлый, сиять, гореть, догорать, солнечный, ясный, белый, сизый, синева, золотой, заря, озарение, костер* и другими.

Наличие в Борисоглебском тексте слов с признаком 'свет' не случайно: природный (свет звезд, солнца, неба, кленовой листвы, дали) и сакральный свет (свет куполов, «форм предвечных прочность», свет небес — как пространства предвечного) одухотворены, по словам поэта, «врожденным чувством родимых небес» и «иными звуками». Последнее — «иными звуками» — требует комментария.

«Иной» понимается здесь в соответствии с его этимологическим значением 'один' [КЭСРЯ: 176], и применительно к Борисоглебскому тексту К. Васильева «иной» — это «единственный», связанный с духовным, которое вечно и определяется как «уровень колоколов».

А слово «звуки» (см. этимологическую связь *звук — звон — звать* [КЭСРЯ: 160–161]) допускает расширительное толкование: звук — это речь, это особое знание (*иное* — не профанное, не связанное с конкретным временем) — тождество голоса колокола и речи «узаконено» в культуре (в этимологическом словаре Н. М. Шанского сближаются *колокол* и *глагол* [КЭСРЯ: 204–205]). Эти наблюдения дают основание утверждать, что «иные звуки» — это звуки божественного глагола, вечных истин, вневременных духовных опор. Чем и можно объяснить востребованность лексики с компонентом 'свет', приобретающим статус оценочного (этического) в Борисоглебском тексте К. Васильева.

Обратимся к некоторым текстам, входящим в «сверхтекст» — текст

о Борисоглебе, текстам, в которых представлена доминанта света, и обратим внимание на некоторые устойчивые мотивы, связанные с ней.

В тексте стихотворения «**В Борисоглебе, в сентябре...**» развернутый метафорический образ кленовой листвы, созданный с помощью лексем *гореть, догорать, костер*, призван не только воссоздать реалии осени, но и создать определенное эмоциональное напряжение: это тревога и приближение конца («догорает на костре» — *догорает* — глагол, называющий завершающую фазу действия), сообщающие о бренности сущего. В развитии мотива увядания (который может быть осмыслен метафорически как умирание) особое место отведено образу куполов: *И купола крестами вниз сияют в зеркале воды...* Союз «и» и наречие «вниз» словно уравнивают происходящее, знаменующееся «концом» — природным и духовным. Введение союза «но», трижды употребленного (*Но камень — бел, но голубь — сиз, / но к небу тянутся кресты*) и контактно расположенного со словами *камень, голубь, небо*, создает контраст преходящего и вечного. И неслучайно, вопреки реальности (*купола крестами вниз*) осознание вечности *камня — храма, голубя — духа, неба — сакрального пространства, дома Бога* происходит *сквозь наплывы тишины туманным утром, на заре* — в начале дня, когда утренний свет чист и ясен, когда тревоги и сомнения вечера и ночи, ослабляющие духовно человека, рассеиваются.

Мотив движения к небу (*к небу тянутся кресты*) реализуется и в стихотворении «**Гром среди ясного неба...**». Смысловая линия света Борисоглебского текста в этом стихотворении, прежде всего, задана словами *солнечный, свет (По-над солнечным светом...)*. Благодаря предлогу *по-над* ‘вдоль и над чем-нибудь’ [Толковый словарь русского языка. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, 1995], образ солнечного света получает пространственные характеристики протяженности, безграничности, вертикальности. Открытое пространство солнечного света осмысливается и как пространство человека (*По-над солнечным светом — никуда не идем*). Как можно интерпретировать этот образ пространства, наполненного светом?

Обратимся к предшествующей строфе:

*И сирени, сирени
в одичалом цвету.
И ступени, ступени
к небесам — на виду.*

Вновь мы обнаруживаем мотив движения к небу — в данном случае можно говорить о *солнечном свете* — свете духовных истин. И не случайно этот мотив буквально воспроизводит наглядный образ Лестницы духовной. Впервые данный образ упоминается в Библии как Лестница Иакова, по которой восходят ангелы. Образ лестницы (*И ступени, ступени к небесам*) в тексте К. Васильева тоже символизирует духовное восхождение. Мотив восхождения противопоставлен словесному образу «не-движения» *«никуда не идем»*, который можно понимать как ‘не стремимся познать истину, не преодолевая свои слабости’.

В стихотворении **«Не обойдемся без опыта»** также прослеживается мотив духовного восхождения. Автором определяются несколько уровней: *«земная ложь»*, *«островки спасения»*, *«монастырская стена»* как нечто, стремящееся ввысь, и, наконец, *«звездный свет озарения»* — высшая добродетель. Эффект многоступенчатости создает трёхкратный повтор слова *«над»* (**Над** нашей ложью земной, / **Над** островками спасения, / **Над** монастырской стеной).

В стихотворении **«Ночная глубина Эреба»** смысловая линия света формируется словам *сияют, свет, небеса, звездный (час)*. Контрастный образ *глубины небес ночной* актуализирует не только прямые смыслы темноты и мрака, но и допускают расширительное толкование — как отсутствие света духовного — света, утверждаемого в образе куполов Борисоглеба: *Мне купола Борисоглеба еще сияют впереди*. Они, как Вифлеемская звезда, определяют путь — дому, родине, к истине. Причем этот свет-сияние обращен ко всем и к конкретному человеку — на это указывает местоимение *мне* в позиции объекта в словосочетании *мне сияют*.

Свет в Борисоглебском тексте Васильева может заявлять о себе опосредованно: через слова-образы тьмы: *над черным лесом*,

сплошной кровоподтек, сплошной синяк. Дважды употребленный эпитет *сплошной* указывает на всеохватность тьмы. Кроме светового значения, в контексте формируется и эмотивное: слова *кровоподтек* и *синяк* содержат смысловой признак физической боли — и создают состояние тревоги, неизвестности, которая настораживает, душевного беспокойства. И всё это «сходится» в завершающем лирический монолог слове «тоска».

В родной земле Константин Владимирович Васильев видел божественное начало. Свет Родины пробивался к поэту сквозь тьму городской суеты, отражаясь в его лирике. Мотивы свечения и горения, связанные в Борисоглебском тексте Васильева с мотивом духовного восхождения, дают информацию как о вечных ценностях (это духовная чистота, духовный рост, вечная жизнь), так и о системе ценностей, принадлежащей конкретному человеку — творцу (например, «звездный час»). Мотив свечения контрастирует с образами тьмы и мглы, символизирующими неизвестность, безысходность, тоску и быстротечность жизни.

Художественное слово — слово символическое, «ассоциативное» — его, по словам тонкого исследователя поэтического языка Лидии Гинзбург, «можно только интерпретировать, со всей неизбежной для интерпретации субъективностью» [Гинзбург 1982: 47–48]. Но степень субъективности можно снизить, обращаясь к данным целого корпуса авторских текстов, содержащих исследуемое явление, к лексикографическим источникам, фиксирующим опыт осмысления реалии; применяя метод наблюдения над языковым материалом, позволяющий выявить релевантный признак, и, конечно, владея фоновыми знаниями, к которым относятся и прецедентные факты культуры.

Алина Елисеева,
Государственный университет имени П.Г. Демидова,
г.Ярославль.

Список использованной литературы:

1. Васильев К. Горит кленовая листва / сост. А. Н. Грешневи-ков. Рыбинск. Рыбинское подворье, 2004. — 48 с.
2. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — М. Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — 624 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. / пер. с нем. О. Н. Трубачёва. — 3-е изд., стереотип. — Спб. Азбука — Терра, 1996. — Т. II — 672с.; Т. III— 832с.
4. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей / Шанский Н. М. и др.; под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. — 3-е изд., испр. и доп. — М. Просвещение, 1975. — 543 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. АЗЪ; Издание 2-е, испр. и доп. 1995. — 928 с.
6. Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Статьи и очерки. — Л. Советский писатель, 1982. — 426 с.